

Дискуссионные проблемы

УДК 812.512

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-193-205

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕТЮРКСКИХ
ПАМЯТНИКОВ СЛОВЕСНОСТИ XI-XIII ВВ. В КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОЙ УСТНОЙ ПОЭЗИИ****Т.Ш. БИТТИРОВА
Л.Х. МАХИЕВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул.Пушкина, 18
E-mail: tbittir@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе метода сравнительно-сопоставительного анализа устанавливается близость малых жанров карачаево-балкарского фольклора, фразеологических единиц, этнографических реалий содержанию таких известных общетюркских памятников Средневековья, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского, «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского и «Кодекс Куманикус». Соответствие многих литературных и языковых фактов авторы объясняют этногенетическим родством и достаточно обособленным проживанием карачаево-балкарского народа, сохранившего общесубстратные параметры языка. Близость языковых художественных средств, стилистических приемов памятника, составленного М. Кашгарским, и фактов современной карачаево-балкарской литературы (в особенности поэзии досоветского периода) позволяют считать «Словарь» антологией языковых и художественных источников карачаево-балкарской литературы и культуры, так же как литератур и культур других тюркских народов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; фольклор; общетюркские памятники; Махмуд Кашгарский; Юсуф Баласагунский.

**ARTISTIC PARAMETERS OF THE COMMON TURKIC MONUMENTS OF
LITERATURE OF THE 11-13th CENTURIES IN KARACHAY-BALKAR
ORAL POETRY****T.Sh. BITTIROVA
L.H. MAHIEVA**

*Institute of Humanitarian Researches – branch of FSBSI «Federal scientific centre «Kabardino-
Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences»
360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin str., 18
E-mail: tbittir@mail.ru*

Abstract. Based on the comparative analysis method, the article establishes the proximity of small genres of Karachai-Balkar folklore, phraseological units, ethnographic realities to the content of such well-known common Turkic monuments of the Middle Ages, like Yusuf Balasagunsky's «Kutadgu bilik», Makhmud Kashgar's «Divan lugat it-Türk» and «Codex Cumanicus». The authors explain the correspondence of many literary and linguistic facts with the ethnogenetic affinity and the rather isolated living of the Karachay-Balkarian people, who have preserved the substrate-wide parameters of their language. The proximity of linguistic art means, stylistic techniques of the monument, compiled by M. Kashgarsky, and the facts of modern Karachai-Balkar literature (especially poetry of the pre-Soviet period) gives grounds to consider the «Dictionary» as an anthology of linguistic and artistic sources of Karachai-Balkar literature and culture, as well as of literatures and cultures of other Turkic peoples.

Keywords: Karachay-Balkar language; folklore; common Turkic monuments; Mahmud of Kashgar; Yusuf Balasaguni.

Период классического Средневековья отмечен в тюркском мире богатейшим литературным наследием. Тюркская литература развивалась одновременно на тюрки и фарси, отчасти и на арабском языке. Наиболее ранние письменные памятники датируются XI-XIII веками. «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского (1069), «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (1072-1083), «Диван и-хакмат» Ахмада Ясеви (2 пол. 12 века), «Кодекс Куманикус» (1294-1295), «Кысаи ал-анбия» Насреддина Рабгузи (1320), «Огуз-наме» Рашид-дин Фазлаллаха, исторические сочинения Абуль Гази, «Китабым деде Коркуд». Все они признаны как выдающиеся памятники средневековой тюркской культуры и литературы. Ранним памятником устно-разговорного языка западных кыпчаков золотоордынского периода является тюрко-арабский словарь, составленный в 1245 году в Египте и изданный голландским тюркологом Т. Хоутсма в Лейдене в 1894 году. Этот словарь дает нам достаточно полное представление о языке кыпчаков половецких степей периода монгольских завоеваний [Чеченов 1996: 92].

Названные литературные памятники охватывают период классического средневековья, когда тюркские народы имели общий литературный язык «тюрки». Созданные на этом языке литературные, научные лингвистические труды были широко известны как у западных тюрков, так и тюрков Средней Азии, Сибири. Карачаевцы и балкарцы не сохранили образцов этой богатой литературы в письменной традиции, – только в устной, хотя, если исходить из эпиграфических исследований С. Байчорова, то в Балкарии и Карачае вплоть до XIV века существовала параллельно арабской письменности каменная руника [Байчоров 1989]. Но тексты, несущие в себе художественную ценность, не могли дойти до нас в силу объективных причин. Даже дошедшие до сегодняшнего дня архивные материалы не подвержены должной археографической работе. Как справедливо отмечает Г.М.-Р. Оразаев, «наименее изученными к настоящему моменту остаются тюркоязычные памятники, созданные в XVI-XIX веках на территории северокавказского региона – в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Кубани, Ставрополье, Чечне, Ингушетии. На языке оригинала изданы всего лишь некоторые из них, причем главным образом специалистами по историческим дисциплинам, интересы

которых ограничивалось обычно «сохранением смысла» произведения [Оразаев 2007: 51]. Нет и специальных работ, исследующих параметры общетюркского наследия в его преломлении в карачаево-балкарской духовности. Все это делает весьма актуальным сопоставительный анализ художественных параметров карачаево-балкарской устной поэзии и общетюркских памятников словесности XI-XIII вв.

Особое место в их ряду занимает классический труд учёного-филолога, тюрка по происхождению, Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» – «Словарь тюркских наречий», по оценке специалистов – выдающийся памятник средневековой филологии, поистине бесценный труд по истории тюркских языков и культуры тюркских народов [Кормушин 2010а: 15].

Книга М. Кашгарского одновременно может считаться и лингвистическим исследованием и литературно-историческим источником, богатым фактической основой. Труд Махмуда Кашгарского представляет собой памятник устного разговорного языка тюркоязычных народов Средней Азии и соседних стран и является ценным памятником исторической диалектологии тюркских языков. Хотя М. Кашгарский и называет свою книгу «Словарем», она представляет собой нечто большее, чем лексикографическая работа, это в первую очередь – антология древнетюркских литератур, позволяющая судить об особенностях художественного мышления тюрков периода классического Средневековья. Книга М. Кашгарского содержит сотни стихотворных строк, пословиц, поговорок и фразеологических единиц. В ней охватывается не только богатейший лингвистический и литературный материал, но и этнографический, что позволяет более зримо представить эстетический мир тюркских народов Средневековья.

Впервые памятник был опубликован в СССР в 1960-1963 гг. на узбекском языке [Кашгарский 1960-1963]. С этого времени начинается большая исследовательская работа над ней специалистов различных дисциплин и вывод тюркологов однозначен: «Диван лугат ат-тюрк» – литературный и лингвистический памятник тюркских народов. Предваряя издание «Словаря тюркских наречий» в новейший период, узбекский учёный С. Муталлибов совершенно справедливо называет М. Кашгарского первым учителем тюркологов и основателем тюркской филологической науки [Муталлибов 1960: 7].

«Словарь» М. Кашгарского зафиксировал состояние языков карлукско-уйгурской подгруппы караханидской эпохи, тем не менее, он имеет неоценимое значение для определения состояния поэтических форм всех тюркоязычных народов Средневековья. М. Кашгарский создавал свою книгу в пору расцвета исламской религиозной культуры в тюркоязычной среде. Однако если судить о состоянии художественного мышления тюрков по зафиксированным в «Диване» образцам поэзии, оно было лишено усложнённости сюжета, умозрительности и созерцательности, имевших место в восточной поэзии той эпохи.

Приводимые М. Кашгарским сведения о «составе тюрков» и «разъяснение о племенах» свидетельствуют, что он хорошо знал современные

ему тюркские языки, как восточные, так и западные. Перечисляя «главные племена» с запада, начиная от «ближайших к Руму» и далее на восток до Китая, он дает и разъяснение «языков тюрков». В частности, он отмечает: «Язык болгаров, суваров, печенегов, [обитающих] вблизи Рума, – тюркский, с одинаково усеченными концами [слов]» [Махмуд ал-Кашгари 2010: 72-76].

М. Кашгарский свободно оперирует болгарским языковым материалом, сравнивая особенности грамматических форм языков и диалектов различных тюркских народов [Махмуд ал-Кашгари 2010: 78, 318, 357, 457]. Это позволяет его замечания относительно языка западных тюрков, в известной мере отнести к истории современной языковой культуры карачаево-балкарцев, кумыков, татар, ногайцев, башкир и др.

При объяснении значений слов М. Кашгарский постоянно обращается за примерами к поэзии и фольклору западных тюркских народов. В силу этого «Словарь» дает нам возможность определить древние жанры фольклора, виды и формы стихов тюркоязычных народов, в т.ч. и карачаево-балкарцев. Сравнительный анализ приведенных в «Словаре» литературных примеров и карачаево-балкарского фольклора дает возможность сделать заключение о более глубоких корнях современной поэтической системы карачаево-балкарцев. Приведем несколько примеров¹.

<i>Из «Словаря»</i>	<i>На современном карачаево-балкарском языке</i>	<i>Перевод</i>
Кёрклюг тонунг ёзюнге	Кёрюмлю тонунг ёзюнге,	Красивая шуба – тебе самому
Татлыгъ ашыгъ агъынкъа	Татлы ашынг башхагъа	Вкусная еда – другому
Тутгъун къонукъ агъырлыгъ...	Къонакъны тут аяулу...	Гостя содержи в почете...

Ярким примером многомерных переключек и соответствий материалов «Словаря» Махмуда Кашгарского и устно-поэтических форм карачаево-балкарского фольклора может служить выражение из «Словаря» – «Кюн тийди, кюн тийди, кюн тийди, кюн къушлукъгъа чыкъды» – «Солнце взошло, солнце взошло, солнце – в зените». Оно имеет вполне самостоятельный смысл и для сегодняшнего носителя карачаево-балкарского языка, но интересно тем, что по своей структуре близко стоит к карачаево-балкарским фольклорным текстам, хотя и произошла поздняя, но очевидная контаминация.

В современном карачаево-балкарском фольклоре существует присказка-дразнилка, которую было принято говорить детям, надоедавшим с бесконечными просьбами рассказать сказку:

*«Жомакъ-жомакъ-жолунга,
Бокълу кюрёк – къолунга,
Итле сийсин тонунга,,»*

Подстрочный перевод: «Сказка-сказка тебе в дорогу, Грязная лопата тебе в руку, Пусть собаки помочатся на твою шубу...».

¹ Здесь и далее примеры для сопоставления взяты из издания: Кашгарский М. Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 т. – Ташкент: Фан, 1960-1963. (на узбекском языке)

Подобная детская дразнилка существует у кумыков:

Еманч, еманч ёлунга,

Покълу кюрек къолунга:

Абайланы мишиги

Чичакъласын тонунга...

Подстрочный перевод: «Сказка-сказка тебе в дорогу, Грязная лопата тебе в руку, пусть Абаевых кошка помочится на твою шубу...».

Эти произведения тождественны по размеру, по содержанию и схожи по эмоциональной окраске.

Существует и другая детская дразнилка – «*Кюн тийди, кюн тийди, жашчыкъны чачы кюйдю*» – «Солнце взошло, солнце взошло, у мальчика (имя мальчика) выгорели волосы...». Как видно, здесь почти дословно повторяется выражение из «Словаря».

Приведенные из «Словаря» примеры и схожие с ними детские дразнилки карачаево-балкарцев совпадают не только персонажами (в данном случае разнице лишь в объекте – шуба, солнце), но и поэтическим приемом – перечислением, одинаковым размером (семисложник), ритмической организацией стиха. Одиннадцатисложник и семисложник – основные формы поэтических примеров «Дивана» до сих пор широко распространены в карачаево-балкарской поэтической культуре.

То же самое можно сказать и в отношении художественных тропов – эпитетов и сравнений. В книге М. Кашгарского богатырь своей волей сравнивается с серым волком, обликом – с медведем, а выносливостью – с волком, эти же приемы характерны и для карачаево-балкарской устной поэзии.

«Диван лугат ат-тюрк» М. Кашгарского более близок западно-тюркским языкам, чем восточным, если исходить из современного состояния языков. Приведем из «Словаря» небольшой ряд пословиц и поговорок, которые мало чем отличаются от современных карачаево-балкарских: «*Къонакъ келсе, къут келир*» – «Гость пришел – счастье пришло».

«*Андыз болса, ат ёлмез*» – «Если растет девясил, лошадь не сдохнет».

«*Атын аймагъан, жаяу къалыр*» – «Кто не бережет лошадь, тот будет пешим».

«*Тау таугъа къошулмаз, адам адамгъа къошулур*» – «Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется».

«*Къуш къанаты бла, эр аты бла*» – «Орел с крылом, мужчина – с конем». «*Эркеч эти эм болур, эчки эти жел болур*» – «Мясо козла лечебное, мясо козы вызывает ветры».

«*Беш бармакъ бирча болмаз*» – «И пять пальцев на руке не одинаковые».

«*Арпасыз ат ашамаз, Аркъасыз алп чериу хорламаз*». – «Без овса лошадь не накормишь, без поддержки и богатырь не осилит войско».

«*Жилян кеси къынгырлыгъын билмей, туюге «бойнунг къынгырды», дер* – «Змея не замечая своей кривизны, верблюду говорит: «У тебя шея кривая».

«*Иги киши баишалагъа кюзгю болур*» – «Хороший человек для других – зеркало».

«*Къаргъа къазгъа эрише, буту сынар*». – «Если ворона состязается с гусем, ломает ногу».

«*Къуругъан агъач ийилмез, къурулгъан кириш тюйюлмез*» – Высохшее дерево не гнется, натянутая тетива не завяжется». В этой поговорке слово «кириш» – «тетива» в современном балкарском языке звучит иначе, но слово употребляется в значениях близких к архаичному и обозначает ободок чугунка, ободок женской шапочки.

«*Жашил кырдык кюймез, келечи ёлмез*» – «Зеленая трава не горит, послу смерти нет». В современном карачаево-балкарском существует поговорка – «*Келечиге ёлом жокъ*» – «Послу нет смерти»,

«*Кюннге къарасанг, кёз къамар*» – «Посмотришь на солнце – глаз слепнет».

«*Къуру къашыкъ аузунга жарашмаз, Къургъакъ сёз къулакъгъа жарашмаз*». – «Пустая ложка ко рту не подходит, сухое (пустое) слово в ухо не входит.»

«*Ёллюк чычхан киштик тешигине къачар*» – «Обреченная мышь бежит к кошке».

«*Къутсуз суугъа кирсе, къум кюер*» – «Если невезучий человек войдет в реку, песок загорится».

Помимо приведенных паремиологических единиц в памятнике содержится и большое количество схожих фразеологических, – «*къарны къуркъур этеди*» – «живот урчит»; «*кюн кёзюча къаматады*» – «как солнечный луч ослепляет» (о красоте девушки) и др. Подобных соответствий с карачаево-балкарским языком в памятнике содержится множество.

Некоторые параметры далекого мифологического и теистического мира древних тюрков карачаево-балкарцы сохранили до сегодняшнего дня. Так, представленное в качестве примера в «Словаре» М. Кашгарского проклятие «*Тейри къаргъышы аны болсун!*» – «Пусть настигнет его проклятие Тейри!» – и сегодня находится в активной лексике карачаево-балкарцев и отражает их древние религиозные представления.

Выражение «*чик туруу*» М. Кашгарский объясняет, как элемент игры в альчики, что абсолютно совпадает и с характером бытования детской игры карачаево-балкарских мальчиков.

Здесь возникает общий вопрос о языке «Словаря» и его отношении к карачаево-балкарскому. По Э.Н. Наджипу «Словарь» М. Кашгарского – это «собрание слов, речений, пословиц, поговорок, фольклорных образцов, дающих отчетливое представление о диалектах и народно-разговорном стиле языков карлукско-уйгурской подгруппы караханидской эпохи» [Наджип 1989: 43]. Э.Р. Тенишев характеризует язык «Словаря» как караханидо-уйгурский литературный язык, впитавший в себя огузо-уйгурскую основу, на которую наслоились местно-национальные элементы всех уровней. Он особо отмечает неоднородность приводимого в «Словаре» материала: наряду с образцами поэзии на литературном языке встречаются примеры с диалектными характеристиками [Тенишев 1997: 36]. По И.В. Кормушину предметом описания и эталоном для сравнения в «Словаре» выступает родной для

Махмуда Кашгарского чигильско-тюркский язык карлукско-уйгурской подгруппы, с которым сопоставляются формы других диалектов, чаще всего слова огузские или огузо-туркменские, обладающие по отношению к чигильско-тюркскому отличительными признаками [Кормушин 2010b: 48].

Как известно, по общепринятой классификации карачаево-балкарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков, но, тем не менее, язык и иллюстративный материал памятника очень близок современному карачаево-балкарскому. Особенно показательное сравнение оригинального материала «Словаря» и его перевода на узбекский язык с карачаево-балкарским языком. При этом обнаруживается, что оригинал гораздо ближе к последнему.

Близость языка памятника современному карачаево-балкарскому требует более достоверного объяснения помимо генетической языковой близости. Не претендуя на всесторонний анализ этого феномена, позволим высказать несколько предварительных соображений.

Во-первых, идентичность многих текстов «Словаря» М. Кашгарского и современного карачаево-балкарского фольклора, а также лексического материала говорит о том, что карачаево-балкарский язык не был подвержен ощутимому иноязычному влиянию и сохранил в достаточной чистоте общетюркскую основу. Во-вторых, в контексте идущих в науке поисков более строгих вариантов классификации тюркских языков, назрела необходимость уточнения места в ней карачаево-балкарского языка. В-третьих, общетюркский язык в средние века охватывал большой ареал, как в географическом, так и в этническом аспектах – от Сибири, Средней Азии до восточной Европы. Как отмечают исследователи, «государственным языком Золотой Орды был кыпчакский язык, однако, в официальных документах чувствуется достаточно сильное влияние огузской группы. На такой смешанной кыпчакско-огузской основе в XIV веке сложился смешанный литературный язык, который впоследствии трансформировался в официальный язык Золотой Орды, более известный как тюрки Поволжья и Урала» [Улаков, Чеченов 2001: 8].

Таким образом, в разных регионах проживания тюркских народов существовал свой литературный язык, обязательный для всех грамотных тюрков средневековья. Эти лингвистические процессы должны были иметь место до исламизации тюрков. В последующем развитии тюркские языки, благодаря тесным контактам с иранскими, финно-угорскими, славянскими народами, арабскому влиянию имели разную степень языковой трансформации.

Без учета лексического материала карачаево-балкарского языка, фольклора, этнографических реалий карачаево-балкарцев, на наш взгляд, сегодня невозможно полное изучение и «прочтение» «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского – этого замечательного памятника духовности тюркских народов. [Улаков, Чеченов 2001: 35].

К важнейшим литературным памятникам средневековых тюрков относится поэма Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билик» – «Благодатное знание» (1069) [Баласагунский 1983]. В его поэме отразились морально-этические принципы феодальной верхушки Кашгара и Семиречья.

Считается, что «Кутадгу билик» заложил основу узбекской и уйгурской литератур [Рустамов 1963].

Несмотря на географическую и временную удаленность данный памятник также содержит корпус общих лексических и поэтических единиц с этнокультурой современных западных тюркских народов, в том числе карачаево-балкарцев. Этому подтверждение языковой материал поэмы:¹

«Сёзню барысына тынгыла, кереклисин ал» – «Выслушай все слова, отбери из них нужное».

«Кёлюмдеги сырымы ачарма санга» – «Я доверю тебе сердечную свою тайну».

«Билимсизге айтма тюшюнгю» – «Не рассказывай своих снов невежде».

«Уллу келсе, аягъынга ёрге кьон» – «Когда приходит старший, встречай его вставанием».

Приведенные поговорки говорят не только о языковой близости, но и об общности системы этических координат.

Поэма Ю. Баласагунского характеризуется тем, что она написана в традициях средневековой тюркской поэзии, на стыке литературных и фольклорных канонов, в ней сильны традиции устной поэзии. В поэме литературная форма муназара, пришедшая в тюркскую поэзию из персидско-арабской поэзии, органично сочетается с айтышем. Если в жанре муназара прения воображаемых противников обычно заканчивалась восхвалением или «примирением» спорящих, то в айтышах такого не было. Надо отметить, что карачаево-балкарский айтыш был достаточно популярным фольклорным жанром вплоть до 40-х годов XX века. В современной карачаево-балкарской поэзии (как устной, так и письменной) айтыш сохранил свои древние параметры условности и соревновательности.

Поэмой Ю. Баласагунского ярко иллюстрируется тюркская устная поэтическая традиция, которая еще не полностью отвечает требованиям литературы, но рамки фольклора ей становятся тесными. В ней встречаются литературные формы народов Средней Азии и Казахстана, такие, как песня «Отрицание старости» («Керилик туралы жыр»), воспевание весны («Науруз жыры») и т.д. То же самое справедливо и в отношении карачаево-балкарской устной поэзии. Некоторые строки поэмы без больших расхождений можно обнаружить в современном карачаево-балкарском фольклоре:

«Кутадгу билик»:	Карачаево-балкарский фольклор:	Перевод
«Ачыкъ болты амты манга йер ашым»	«Ачы болду энди манга ашар ашым»	«Теперь мне стала горькой пища, которую ем»
«Тогъун-та кечер, ачын-та кечер»	«Тойгъан да кетер, ач да кетер»	«Уйдут и сытый и голодный»
«Агъырмаз мен бексиз, йа кьулсугъ кишиг»	«Айырмайма мен не бий, не кьул кишини»	«Я не делю людей на беков и рабов». / Против сословного

¹ Здесь и далее примеры для сопоставления взяты из издания: *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 715 с.

«Узун уаш тилесе, булур аш бла»	«Узакъ жашау тилесенг, болур аш бла»	высокомерия/ «Коль хочешь долгой жизни, получишь ее через еду»
------------------------------------	---	--

Еще более убедительные факты сходства поэмы и устной поэзии карачаево-балкарцев можно обнаружить на уровне эстетических приемов дидактической поэзии, ее мотивы часто встречаются при схожем содержании.

Например:

*«Къарны ач киши, ашаса-ичсе, тояр,
Кёзю ач киши, ёлсе, ачлыкъ къояр».*

«Голодный человек, если поест – насытится, завистливый человек («глаза голодные» – букв.) умрет – после себя голод оставит».

В карачаево-балкарском языке существует фразеологическая единица – «акъны къарадан айырмагъан» – «не отличающий белый от черного», что характеризует человека неопытного, знающего жизнь поверхностно. В поэме Ю. Баласагунского есть строки, почти повторяющие приведенный фразеологизм –

«Къара къул къарасы болур, бек юрюн,

Къаралы юрюнлю адырты керюн», что в переводе на современный карачаево-балкарский язык звучит:

«Къара къул къара болур, бай акъды,

Къараны-акъны айырмалы кёр». – «Черный – цвет раба, белый – бека, старайся отличить белое от черного».

Относительный консерватизм изобразительных средств, эпичность, языковая близость, традиционные картины, традиционные характеристики, имеющие место в «Кутадгу билик», – все это очень близко современной карачаево-балкарской духовной культуре.

Ученые Казахстана, Турции, Узбекистана, Туркмении, Татарстана, Башкортостана находят много общего в своих национальных культурах и в поэме Ю. Баласагунского и единодушны во мнении, что этот общетюркский литературный памятник имеет неопределимое значение как в определении духовного потенциала тюрков, так и в пополнении арсенала общечеловеческой культуры.

Известны три списка поэмы – гератский (1439 г.), каирский (первая пол. XIV в.), наманганский (конец XII – первая половина XIII в.). Из них современному карачаево-балкарскому читателю ближе всего наманганский список, возможно потому, что он наиболее ранний и менее подвержен влиянию арабской культуры, которая усиливается переписчиками после создания Ю. Баласагунским своей поэмы.

Средневековая тюркская духовность и письменность характеризуются обилием лексикографических работ, содержащих в качестве иллюстративного материала множество фольклорных и литературных примеров. Одновременно и лингвистическое и литературное наследие несет и дошедший до наших дней памятник начала XIV века «Кодекс Куманикус». По имеющимся сведениям, рукопись «Куманского Кодекса» была обнаружена в библиотеке собора

св. Марка в Венеции. До настоящего времени не установлены время и место написания рукописи «Кодекс Куманикус». Полагают, что она была составлена между 1303 (дата указанная в самой рукописи) и 1362 годом (время передачи ее Ф. Петраркой в Венецианскую библиотеку) [Чеченов 1978].

«Кодекс Куманикус» географически и хронологически стоит ближе к карачаево-балкарцам по сравнению со всеми остальными письменными памятниками Средневековья. В научной литературе принято считать «Кодекс Куманикус» памятником крымско-татарского, ногайского, карачаево-балкарского и кумыкского языков. Однако, по нашему мнению, само название – «Кодекс Куманикус» – неточно передает тип-этническую принадлежность языка памятника, что вводило в заблуждение исследователей истории карачаево-балкарского языка, которые из года в год, из монографии в монографию относили его к базовым источникам по исторической лексике карачаево-балкарского языка. Анализ фактического материала «Кодекса Куманикус» позволяет сделать вывод, что при значительном слое общей лексики, существенное отличие заключается как в ее употреблении, так и в ее трансформации в исторической перспективе, о чем можно судить из современного состояния крымско-татарского и карачаево-балкарского языков.

Вероятнее всего, это произошло потому, что авторы книги – итальянские миссионеры, ведшие торговлю в Крыму, при составлении словаря ориентировались больше на принятый при дворе крымских ханов северный диалект крымско-татарского языка, насыщенный арабской и фарси лексикой. Как известно, современный крымско-татарский язык имеет три основных диалекта, наиболее близок к карачаево-балкарскому центральный диалект.

Таким образом, мы полагаем, что «Кодекс Куманикус» и в языковом и художественно-эстетическом характеристиках отстоит гораздо дальше от карачаево-балкарского языка и фольклора, чем, к примеру, тексты рунических, древнеуйгурских и чагатайских памятников литературы и письменности более раннего времени, не говоря уже о литературе классического и позднего Средневековья.

Разумеется, близость среднеазиатских (по месту фиксации) литературных памятников и карачаево-балкарской духовной культуры можно объяснить тем обстоятельством, что в период завоевания Казани Иваном Грозным многие ученые Булгарии бежали в Среднюю Азию, захватив с собой древние памятники литературы или же их списки, которые переписывались заново, адаптируясь к тюркским языкам нового ареала распространения. Но первоначальная, базисная основа осталась неизменной. Кроме того, следует помнить, что на протяжении средневековой эпохи в истории тюркских литератур существовал общетюркский языковой массив, близкий и понятный носителям многочисленных тюркских наречий. Одной из форм его функционирования в речи привилегированных слоев был междиалектный литературный язык (койне). Различные этноязыковые коллективы приносили в язык письменных текстов черты своих диалектов [Кормушин 2010b: 22, 46, 49]. Общетюркский язык, имевший кыпчакскую (старокумыкскую) основу до начала XX века существовал и на Северном Кавказе, и одно время выполнял

роль *Lingua Franca*. Он также изучался в Ставропольской и Тифлисской гимназиях, в XVIII-XIX веках на нем велась деловая переписка, составлялись официальные документы.

Таким образом, сравнительный анализ лежащего на поверхности комплекса фактов (лингвистических, литературных, фольклорных, этнографических) позволяет сделать вывод о единстве развития духовной культуры западных (к каковым относятся карачаево-балкарцы) и восточных тюрков, о непрерывности процесса развития литературных жанров, поэтических средств.

Близость языковых художественных средств, стилистических приемов памятника, представленных М. Кашгарским, и фактов современной карачаево-балкарской литературы (в особенности поэзии досоветского периода) дает основание считать «Словарь» предтечей и карачаево-балкарской литературы и культуры, как и других литератур и культур тюркских народов.

Поэма Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билик» – «Наука о счастье» (1069) также содержит корпус общих лексических и поэтических единиц с этнокультурой современных западных тюркских народов, в том числе карачаево-балкарцев. Еще более убедительные факты сходства поэмы и устной поэзии карачаево-балкарцев можно обнаружить на уровне эстетических приемов дидактической поэзии

В целом, есть основание полагать, что многие виды и формы современного карачаево-балкарского стиха уходят вглубь веков и берут свое начало с общетюркской поэтической традиции. Относительно карачаево-балкарского языка и фольклора это, в первую очередь, обрядовые песни и магическая поэзия.

Значимость уникальной общетюркской культуры заключаются и в том, что она была культурой-транспортером духовных и материальных ценностей на обширном пространстве Евразии, чем и объясняется этнолингвистическая и этнокультурная близость современных тюркских народов, проживающих на большом географическом удалении. Яркий пример тому – общие лексические, фразеологические, паремиологические единицы карачаево-балкарского языка и языка древнетюркских памятников Средневековья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Байчоров 1989 – *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1989. – 294 с.

Баласагунский 1983 – *Баласагунский Юсуф* Благодатное знание. Серия «Литературные памятники» / Издание подготовил С.Н. Иванов; отв. редактор академик А.Н. Кононов. – М.: «Наука», 1983. – 558 с.

Древнетюркский 1969 – *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 715 с.

Кашгарский 1960-1963 – *Кашгарский М.* Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 томах. – Ташкент: Фан, 1960-1963. (на узбекском языке)

Кормушин 2010а – *Кормушин И.В.* Предисловие // Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с. – С. 15-20.

Кормушин 2010б – *Кормушин И.В.* Введение // Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с. – С. 21-52.

Махмуд ал-Кашгари 2010 – *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-тюрк (Свод тюркских слов): в 3 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с.

Муталлибов 1960 – *Муталлибов С.* Великий филолог XI в. и его уникальный труд // *Кашгарский М.* Диван лугат-ат-турк (Словарь тюркских наречий): в 3 томах. Т. 1. – Ташкент: Фан, 1960. – С. 7-39. (на узбекском языке)

Наджиб 1989 – *Наджиб Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Кононов, Г.Ф. Благова. – М.: «Наука», 1989. – 283 с.

Оразаев 2007 – *Оразаев Г.М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII-XIX вв. – Махачкала: изд. ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 324 с.

Рустамов 1963 – *Рустамов Э.Р.* Узбекская поэзия первой половины XV века. – М.: Издательство вост. лит., 1963. – 365 с.

Тенишев 1997 – *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира. Тюркские языки. – Бишкек: Издательский Дом «Кыргызстан», 1997. – 543 с. – С. 35-46.

Улаков, Чеченов 2001 – *Улаков М.З., Чеченов А.А.* Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс). Учебное пособие. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2001. – 52 с.

Чеченов 1978 – *Чеченов А.А.* Язык памятника «Codex Cumanicus» (14 в.) в ареальном освещении: методические материалы. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1978. – 55 с.

Чеченов 1996 – *Чеченов А.А.* Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. – М.: ИЯ РАН, 1996. – 173 с.

REFERENCES

BAICHOROV S.Ya. *Drevnetyurskie runicheskie pamyatniki Evropy: Otnoshenie severokavkazskogo areala drevnetyurkskoi runicheskoi pis'mennosti k volgo-donskomu i dunaiskomu arealam* [Ancient Turkic runic monuments of Europe: Relation of the North Caucasian area of ancient Turkic runic writing to the Volga-Don and Danube areas]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 294 p. (In Russian)

BALASAGUNSKII YUSUF. *Blagodatnoe znanie. Seriya «Literaturnye pamyatniki» / Izdanie podgotovil S.N. Ivanov; otv. redaktor akademik A.N. Kononov* [Gracious knowledge. "Literary monuments" series. Ed. by A.N. Kononov]. – Moscow: Nauka, 1983. – 558 p. (In Russian)

CHECHENOV A.A. *Problemy formirovaniya i razvitiya yazyka karachaevtsev i balkartsev* [Problems of the formation and development of the language of Karachai and Balkars]. – Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 1996 – 173 p. (In Russian)

CHECHENOV A.A. *Yazyk pamyatnika "Codex Cumanicus" (14 v.): V areal'nom osveshchenii* [The language of 14th century monument «Codex Cumanicus» in areal perspective]. – Moscow: Institut yazykoznaniiya AN SSSR, 1978 – 55 p. (In Russian)

Drevnetyurkskii slovar' / Red. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak [Dictionary of the ancient Turkic. Ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak]. – Leningrad: Nauka, 1969. – 715 p. (In Russian)

KASHGARSKII M. *Divan lugat-at-turk (Slovar' tyurkskikh narechii): v 3 t.* [The Compendium of the Turkic Dialects: in 3 vols.]. – Tashkent: Fan, 1960-1963. (In Uzbek)

KORMUSHIN I.V. *Predislovie* [Preface]. IN: *Makhmud al-Kashgari. Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – P. 15-20. (In Russian)

KORMUSHIN I.V. *Vvedenie* [Introduction]. IN: *Makhmud al-Kashgari. Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – P. 21-52. (In Russian)

MAKHMUD al-KASHGARI. *Divan lugat at-tyurk (Svod tyurkskikh slov): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Words: in 3 vols. Vol. 1] – Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. – 461 p. (In Russian)

MUTALLIBOV S. *Velikii filolog XI v. i ego unikal'nyi trud* [The great 11th century philologist and his unique work]. IN: *Kashgarskii M. Divan lugat-at-turk (Slovar' tyurkskikh narechii): v 3 t. T. 1* [The Compendium of the Turkic Dialects: in 3 vols. Vol. 1]. – Tashkent: Fan, 1960. – P. 7-39. (In Uzbek)

NADZHIP E.N. *Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI–XIV vv. / Otv. red. A.N. Kononov, G.F. Blagova* [Studies in the history of Turkic languages of the 11-14th centuries. Ed. by A.N. Kononov, G.F. Blagova]. – Moscow: Nauka, 1989. – 283 p. (In Russian)

ORAZAEV G.M.-R. *Tyurkoyazychnaya delovaya perepiska na Severnom Kavkaze XVII–XIX vv.* [Turkic business correspondence in the North Caucasus in the 17-19th centuries]. – Makhachkala: izd. IAE DNTs RAN, 2007. – 324 p. (In Russian)

RUSTAMOV E.R. *Uzbekskaya poeziya pervoi poloviny XV veka* [Uzbek poetry of the first half of the 15th century]. – Moscow: Izdatel'stvo vost. lit., 1963. – 365 p. (In Russian)

TENISHEV E.R. *Tyurkoyazychnyykh pis'mennykh pamyatnikov yazyki* [The languages of the Turkic written monuments]. IN: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. – Bishkek: Izdatel'skii Dom «Kyrgyzstan», 1997. – P. 35-46. (In Russian)

ULAKOV M.Z., CHECHENOV A.A. *Pis'mennyye pamyatniki tyurkskikh yazykov kak istochnik istorii sovremennogo karachaevo-balkarskogo yazyka (spetskurs)* [Written monuments of Turkic languages as a source of the history of the modern Karachay-Balkar language (special course)]. – Nalchik: Institut gumanitarnyykh issledovaniy KBNTs RAN, 2001. – 52 p. (In Russian)